

ИСКРА ДЛЯ НЕКРОМАНТ

18+

Дария Риверс

Искра для некроманта

<https://litres.ru/74447702>

SelfPub; 2026

Аннотация

Магия не уходит насовсем — она лишь засыпает в корнях вековых деревьев.

Яра знала, как заговорить кровь и выпросить у земли целебный корень, но оказалась бессильна, когда родную деревню захлестнула леденящая скверна из Нави. Но когда на её пути встает Дан — могучий некромант с мертвенно-бледной кожей и оживающими на теле черными рунами, Яра понимает: этот суровый воин охотится не за древней магией ларца. Он ищет то, что заперто внутри.

Содержание

Пролог. Перепекание судьбы	4
Глава 1. Дикий корень	8
Глава 2. Черный след и последний завет	14
Глава 3. На пороге ковена	21
Глава 4. Испытание стихиями	25
Глава 5. Незванный гость	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Искра для некроманта

Пролог. Перепекание судьбы

Ночь была сотнями голодных навьих глоток.

Метель на пограничном капище свирепствовала так, что вековые сосны гнулись к самой земле, с треском ломая обледеневшие сучья. Белый, сухой снег засыпал древние валуны, но в самом центре каменного кольца земля оставалась черной, выжженной. Там, посреди ритуального круга, на коленях стоял двенадцатилетний мальчик.

Дан задыхался. Ледяной ветер забивался в рот, но страшнее был холод, который поднимался изнутри — прямо от сердца. Его колотило, пальцы намертво скрючились, а по тонким детским предплечьям, прорывая кожу, медленно, с шипением выползали первые черные навьи руны. Мальчик кричал, но буря безжалостно глушила его тонкий голосок.

Над ним, широко раскинув руки, высился дед — старый пограничный князь-колдун. Его седая борода развевалась, а в глазах, залитых безумным чернильным светом, отражалось багровое зарево. Вокруг капища уже смыкалось кольцо: из метели бесшумно выплывали тяжелые, окованные ржавым железом мороки Всеслава. Кощеев прислужник пришел забрать последнего преемника Хранителей.

— Мой род! Моя кровь! — громовой, надорванный заго-

вором голос старика перекрывал рев бури. — Владыка Черного Солнца, услышь! Пекло глубокое, прими дань! Забирай души прашуров, забирай покой ушедших, но выкупи его! Перепеки судьбу мальчишки!

Старик занес над головой Дана ритуальный нож из темного болотного железа. Мужики Всеслава сделали шаг вперед, занося топоры, но опоздали.

Князь-колдун с диким выдохом вонзил клинок в землю у ног внука.

Земля под капищем утробно ухнула. Черный, клубящийся туман Нави хлынул из трещин, сбивая наступающих морков с ног. Но плата была страшной. Яра увидела бы это как обрыв сотен серебряных нитей: в один миг тени всех ушедших предков Дана, державших оборону границ, были втянуты в бездну, сгорая ради одной-единственной жизни смертного ребенка.

Дан выгнулся дугой, его грудь неестественно высоко поднялась. От невыносимого магического жара и хлынувшей в кровь некромантской силы из его рта вырвался истошный, нечеловеческий крик. И в этот самый миг от его груди с хрустальным звоном оторвалась маленькая, золотая, невероятно теплая искра.

Его человеческая душа. Его способность чувствовать тепло, радоваться и любить. Навь выталкивала её, заменяя вечным, леденящим прахом. Золотое пламя испуганно затрепетало в морозном воздухе, готовое навсегда раствориться в

метели. Дан медленно оседал на замерзающий мох, его серые глаза стремительно затягивались мертвой чернильной тьмой.

— Не бывать тому! Не отдам Нави дитя целиком! — из чащи, прорывая обережный круг, выскочила Баба Злата.

Тогда она еще была молодой, сильной ведьмой. Её руки, окутанные ярим золотым сиянием Живы, взметнулись вверх. Злата на лету поймала замерзающую золотую искру, бережно сжав её в ладонях. Пламя обожгло её пальцы весенним теплом, и ведунья тут же прижала ладони к тяжелому, черненому ларцу из громового дуба, который принесла с собой.

— Замкнись, искра живая! Спрячься под серебряные обручи, под замок Прави! — зашептала Злата, вкладывая силу в дубовую крышку. — До поры, до времени, пока солнце с луной не сойдутся, пока Тень к теплу не потянется!

Ларец в её руках яростно звякнул, принимая ношу. Навьи руны на теле упавшего Дана мгновенно затихли, покрывшись слоем сизого инея. Мальчик выжил. Его дед упал за мертво, обратившись в иссохшую мумию, а слуги Всеслава с воплями отступили перед ослепительным светом, который исходил от ведьмы.

Злата подхватила тяжелый сундук, намертво связавший её жизнь с судьбой этого замерзшего мальчика, и бросилась прочь от оскверненного капища. Тонкая серебряная нить, потянувшаяся от ларца сквозь снежную бурю прямо к зати-

хающей груди Дана, натянулась в темноте, знаменуя начало
долгого, десятилетнего ожидания.

Глава 1. Дикий корень

Запах парного молока и подгнивающей лесной подстилки всегда означал, что лето перевалило за макушку.

Яра стояла на коленях в сыром овраге, туда, где солнце заглядывало только в самый полдень. Пальцы, темные от вьевшегося сока чистотела, осторожно разгребали прелые листья дуба. Земля здесь дышала тяжело, густо.

— Ну же, не прячься, — тихонько, почти беззвучно шептала Яра, касаясь кончиками пальцев бледного, узловатого корешка.

Обычный человек прошел бы мимо, наступил бы тяжелым поршнем и не заметил. Но Яра видела. Для нее этот корень испускал едва заметное, зеленоватое свечение — словно под землей билась тонкая жилка теплой крови. Это была Одолень-травка, но не та, что цветет белыми чашечками на озерной глади, а скрытая, лесная, набравшая силу в глубокой тени.

Стоило Яре мягко потянуть корень на себя, как по предплечью побежали щекотные, живые искорки. Дар Живы внутри нее всегда отзывался на соприкосновение с тем, что росло и тянулось к свету. Кожа на ладони на мгновение потеплела, а сам корень будто сам скользнул ей в руку, расставшись с землей без единого треска.

— Спасибо, Матушка, — прошептала она, бережно укла-

дывая находку в холщовую суму, где уже лежали пучки сушеной ромашки и вяленая брусника.

Яра поднялась, отряхивая подол старого, трижды латанного сарафана. Ей было девятнадцать зим, но в деревне её до сих пор звали «Златиным хвостиком». Старая Баба Злата, местная отшельница и ведунья, подобрала её сиротой у лесного пожарища еще девочкой. Научила различать траву ядовитую от целебной, слушать шепот ветра и, главное, помалкивать.

«Люди, Ярка, они как скотина в грозу, — говаривала Злата, расчесывая свои седые, до колен, косы. — Пока солнце светит — они к тебе за мазью от чирьев бегут да в пояс кланяются. А как туча зайдет — первыми крикнут, что это ты град на овсы накликала. Силу свою держи под замком. Наружу выпускай только по капле, как мед из соты».

Яра затянула шнурок сумы и выбралась из оврага на тропку. Лес вокруг стоял непривычно тихий. Не пели пеночки, не трещали сойки, даже зяблик, обычно шальной в это время года, молчал. Воздух казался липким, тяжелым, словно перед великой бурей, хотя небо над макушками сосен оставалось чистым, лазурным.

Вдруг сзади, со стороны болотных мочажин, донесся странный звук.

Это было не шуршание ежа и не хруст лосиного шага. Звук был сухим, хриплым, будто кто-то тащил по сухой траве тяжелый кожаный мешок. И साथ (вместе) с этим звуком

на Яру пахнуло... зимой. Резким, ледяным сквозняком, от которого под сарафаном мгновенно поползли мурашки, а дыхание вырвалось легким белым облачком.

В июле. В полдень.

Яра замерла, медленно потянувшись рукой к маленькому костяному ножу на поясе — единственному её оружию. Навь лезла из своих щелей, и это было первое её предупреждение.

Хруст повторился, ближе, наглее. Кусты лещины, еще мгновение назад зеленые и сочные, на глазах Яры начали поникать. Листья сворачивались в сухие коричневые лодочки, покрываясь сизым налетом инея.

Яра попятилась, крепче сжимая костяную рукоять ножа. Ладонь вспотела.

Из морозного тумана, поползшего по дну оврага, вывалилось оно. Когда-то это был крупный лесной олень, но сейчас от благородного зверя осталась лишь жуткая оболочка. Шерсть на его боках вылезла клочьями, обнажая серую, сочившуюся чернильной сукровицей плоть. Из разорванного горла не шло ни капли красной крови — там клубилась густая, осязаемая тьма. Но страшнее всего были глаза: вместо живого карего взгляда на Яру уставились две пустые глазницы, залитые мертвенным, гниlostным светом Нави.

Зверь глухо хрипнул. Оскверненная тварь не искала еды, ею двигала лишь чужая воля — воля убивать всё живое.

Олень наклонил голову, выставив вперед острые, похожие на обгоревшие сучья рога, и бросился на девушку.

Яра не успела бы убежать — овраг был слишком крутым. Страх парализовал ноги, но дар, дремавший в крови, среагировал быстрее разума. Она упала на колени, выпустила нож и изо всей силы вдарила ладонями в сырую землю, крича заговор, который всплыл из памяти сам:

— Земля-матушка, заступись! Жива-мати, огради!

Сила хлынула из её рук горячей, золотистой волной. Земля под копытами мертвой твари утробно ухнула. Корни старого дуба, росшего на краю оврага, будто ожили. Толстые, узловатые подземные отростки с треском вырвались наружу, сплетаясь в живой щит.

Олень со всего размаху врезался в древесную преграду. Рога затрещали, завязли в живой древесине. Тварь яростно забилась, пытаясь достать Яру копытами, но корни сжимались всё крепче, оплетая мертвые ноги, прорастая сквозь гнилую шерсть, наливаясь яркой силой солнца, которая буквально выжигала навью скверну. Зверь испустил долгий, нечеловеческий вой, и черная жижa, заменявшая ему кровь, хлынула на траву, шипя и испаряясь. Яра тяжело дышала, глядя на затихшую тушу. Руки тряслись, пальцы горели так, словно она держала голые угли, а кожа на запястьях потемнела, покрывшись тонкими древесными узорами. Сила Живы взяла свою плату.

— Ярка! Ярка, девка, ты жива ли?! — сверху, с края оврага, раздался истошный, испуганный крик.

Яра вздрогнула, поспешно одернула рукава сарафана,

скрывая потемневшую кожу, и подняла костяной нож.

Склоны оврага, цепляясь за кусты, ошалело скатывался Прошка — сын деревенского старосты. Парень был бледным, картуз съехал набок, а в руках он сжимал тяжелые вилы. На бегу он споткнулся, чуть не выколол себе глаз, но, заметив Яру, замер, тяжело переводя дух.

— Ох, матушка лада... Живая, — Прошка уставился на мертвую тушу оленя, опутанную корнями, и его глаза округлились от ужаса. Он попятился, испуганно глядя то на зверя, то на Яру. — Это... это что ж за пакость такая? Неужто чертовщина лесная?

— Не знаю, Прош, — тихо солгала Яра, поднимаясь на ноги и стараясь, чтобы голос не дрожал. — Напал на меня. Сама еле увернулась, а дуб... дуб старый, видать, гнилой был, рухнул да придавил его.

Прошка недоверчиво посмотрел на вывернутые из земли корни, которые явно не «рухнули», а целенаправленно скрутили тварь, но страх перед более близкой бедой заставил его забыть про странности.

— Бросай свои травы, Ярка! Бежать надо! — он схватил её за локоть, и его пальцы дрожали. — Там в деревне... беда. Скотина у игумена пала, а дед Михей кровью харкает, мороки ему чудятся. Народ лютует, кричат, что это баба Злата на нас порчу наслала за то, что ей оброк мукой не довели. Мужики колы берут, к её избе идут. Беги, Ярка, сожгут ведь старуху!

Сердце Яры пропустило удар. Навь пришла не только из леса — она уже отравила умы людей.

Глава 2. Черный след и последний завет

Яра бежала так, что колючие ветки малинника нещадно драли лицо и руки, а холщовая сума с корнями Одолень-травы тяжело била по бедру. Прошка отстал еще у ручья — деревенский парень побоялся подходить близко к Ведьминому урочищу, где на самой окраине, под сенью вековых сосен, выросла в землю изба Бабы Златы.

Воздух здесь уже не просто пах грозой. Он дымился.

Еще издали Яра слышала утробный, пьяный ропот толпы. Около двух десятков мужиков из её деревни окружили частокол. В руках они держали не только вилы да топоры — над головами колыхались факелы, чадающие черным дегтем. Лица людей, которых Яра знала с детства, сейчас казались чужими, перекошенными от подсознательного страха и злобы.

— Выходи, карга старая! — надсадно орал кузнец Савва, размахивая тяжелым колуном. — Дочку мою морок скрутил, плачет да бредит вторую ночь! Из-за тебя, ведьма, скотдохнет! Спалить гнездо её!

— Спалить! Спалить подколенную! — подхватила толпа. Кто-то швырнул факел, и тот, описав дугу, упал на сухую берестяную крышу пристройки. Полыхнуло мгновенно.

— Стойте! Что вы творите?! — Яра выскочила из чащи, тяжело дыша.

Мужики обернулись. На секунду в толпе возникло замешательство. Савва сплюнул под ноги: — О, и хвостик её прибежал. Отойди, Ярка, не то и тебя в костер пустим. Знаем, чему тебя карга учила!

В этот момент тяжелая дубовая дверь избы со скрипом отворилась. На порог вышла Баба Злата.

Она казалась удивительно спокойной для той, чей дом уже занимался пожаром. Её длинные, серебряные косы были аккуратно заплетены, а на плечах лежал старый узорчатый платок. Но Яра с ужасом заметила то, чего не видели ослепленные яростью мужики: Злата едва держалась на ногах. Её пальцы, сжимавшие косяк, были мертвенно-серыми, а губы покрылись темной, почти черной коркой. Навь пришла за ней раньше, чем люди с факелами.

— Расходитесь, православные, — тихо, но так, что её услышал каждый, произнесла Злата. — Нет на мне вашей вины. Зло идет из Нави, и факелами вы от него не отгородитесь.

— Врет! Жги её! — крикнул кто-то сзади, и в старуху полетел тяжелый камень, угодив прямо в плечо. Злата покачнулась.

— Беги, Ярка! В избу! — крикнула наставница, и в её глазах впервые вспыхнул яростный, властный огонь.

Злата резко взмахнула руками, и сухая трава перед часто-

колом вспыхнула сама по себе, без огня, поднявшись высокой стеной яркого зеленого пламени. Мужики с воплями отпрянули. Живая изгородь из огня не сжигала их, но пугала до усрачки, не давая сделать ни шагу вперед.

Яра, пользуясь замешательством, метнулась мимо ошалевшего кузнеца, проскочила сквозь заградительное пламя, которое ласково обдало её теплом, не причинив вреда, и ворвалась в сени вслед за Златой.

Старуха захлопнула дверь и тяжело опустилась на пол, тяжело и хрипло дыша. На веранде уже трещали доски — пристройка вовсю горела, а сквозь щели в полу пополз едкий дым.

— Бабушка! Давай я заговор на кровь прочитаю, я помогу, у меня Одолень-корень есть! — Яра упала перед ней на колени, пытаясь распутать завязки сумы.

— Поздно, Ярка... Мой век спрядён, — Злата схватила девушку за запястье. Её хватка была ледяной, совсем как у того оскверненного оленя в овраге. — Слушай меня. Не люди это... Навь истончилась, Черный Князь ключи ищет. Наш род триста лет берег то, что внутри... Теперь твоя очередь.

Старуха указала дрожащим пальцем на тяжелый кованый ларец из громового дуба, стоявший в красном углу под обережными чурами. Серебряные обручи на нем тускло мерцали в задымленной комнате.

— Забирай его. В нем — завет. В нем сила, которая не должна достаться Всеславу. Кровь Ратибора приведет Тень,

но ты должна удержать баланс. Помни: Жива без Нави — слепа, Навь без Живы — мертва... Не сожги себя, девочка моя.

Злата судорожно вздохнула, её глаза затуманились, покрываясь белесой пеленой, и она обмякла на руках у Яры. Сердце старой ведуньи остановилось.

— Бабушка! Нет, пожалуйста! — закричала Яра, но времени на слезы не было.

Стены избы уже занялись огнем. Снаружи мужики начали топорами рубить частокол — зеленое ведьмино пламя опало вместе с уходящей жизнью Златы. С потолка посыпались искры, тяжелая балка с треском рухнула прямо перед дверью, отрезая путь к выходу.

Яра бросилась к углу, обжигая пальцы о горящие обломки, и схватила ларец. Он оказался невероятно тяжелым, будто внутри лежали не травы и свитки, а кусок чугуна.

Она оказалась заперта в огненной ловушке. Дым ел глаза, дышать было нечем. Изба рушилась. И тогда Яра, прижав ларец к груди, закричала от отчаяния, вкладывая в этот крик всю свою дикую силу, всю боль потери и жажду жить.

По серебряным обручам ларца впервые пробежала ослепительная золотая искра.

Золотая искра, сорвавшаяся с обруча ларца, с сухим щелчком ужалила Яру в палец. Но боли не было. Вместо этого по венам хлынул пронзительный, вибрирующий гул. Ларец в её руках вдруг стал легким, как пуховая подушка, а

окружающий мир словно замедлил свой бег.

Горящие бревна летели вниз, рассыпая снопы искр, но Яра видела траекторию каждой щепки. Пол под ногами проваливался, но её ступни находили опору там, где дерево еще держалось.

— Жива-мати... — задыхаясь от дыма, выдохнула она.

Вокруг её тела соткался зыбкий кокон из зеленоватого тумана, пахнувший весенней грозой. Этот кокон не тушил огонь — он раздвигал его. Пламя неохотно отпрянуло, уступая девушке дорогу. Яра рванулась вперед, прямо через пылающие сени, туда, где заднее окно избы выходило к глухому ольшанику.

Она выбила раму плечом и покатилась по траве. За спиной с оглушительным треском рухнула крыша ведьмино дома. Мужики у частокола победно взвыли, думая, что обе ведьмы остались под завалами.

Не разбирая дороги, Яра бросилась вглубь леса. Лес стонал вместе с ней: поднявшийся ветер разносил искры по сухой хвое, занимались нижние ветки елей. Позади ревела огненная буря, впереди зябко молчала ночная чаща.

Она бежала, пока легкие не начало жечь от нехватки воздуха. Наконец, Яра споткнулась о корягу и повалилась на мох, крепко прижимая к себе ларец Бабы Златы. Сквозь кроны деревьев на нее смотрела огромная, налившаяся багрянцем луна — примета близкой беды.

Вдруг ветер стих. Огненный гул позади сделался глухим,

далеким.

Яра почувствовала, как по затылку скатился ледяной пот. Мох под её ладонями мгновенно затвердел, скованный внезапным заморозком. Трава вокруг покрылась хрустальной коркой инея.

Она медленно подняла голову.

На краю обрыва, чуть выше по склону, стоял силуэт. На фоне полыхающего вдалеке зарева пожара он казался вырезанным из куска самой глубокой ночной тьмы. Высокий, широкоплечий, в длинном темном кафтане, подол которого шевелился, хотя ветра не было.

Лица было не разглядеть, но Яра кожей почувствовала его взгляд — пристальный, тяжелый, вымораживающий душу.

Вокруг незнакомца клубился серый, пепельный туман. Дым от лесного пожара, долетая до него, не обжигал, а послушно опадал к его ногам хлопьями сажи. Человек стоял неподвижно, опустив руки. На его пальцах тускло, мертвенно отразили багряный свет луны крупные серебряные перстни.

Он смотрел не на пожар. Он смотрел прямо на Яру. Точнее — на ларец, который она сжимала в руках.

Серебряная нить, которую Яра еще не умела видеть, на секунду натянулась между ними в темноте, заставив ларец в её руках коротко и тревожно звякнуть. Незнакомец едва заметно качнул головой, словно проверяя какое-то смутное догадливое чувство.

— Кто ты?.. — прошептала Яра, но сорванный криком голос выдал лишь хрип.

Стоило ей моргнуть, как силуэт растаял. Серый туман всосался обратно в можжевеловые кусты, оставив после себя только хрустящий подтаявший иней на листьях и стойкий, пугающий запах старого склепа.

Дан ушел так же тихо, как и появился, оставив девушку наедине с холодной ночью.

Глава 3. На пороге ковена

Навий лес не любил чужаков. Три дня и три ночи Яра шла по тропам, которых не было ни на одной купеческой карте. Деревья здесь стояли перекрученные, покрытые седой бородой мха, а корни то и дело норовили подставить подножку. Единственным, что согревало её в этом мрачном краю, был кованный ларец. Яра завернула его в старый платок Златы и не выпускала из рук ни на миг.

К исходу четвертого дня чаща расступилась, открывая скрытое от чужих глаз урочище.

Это место называлось Пятимирьем. В самом центре глубокой лесной котловины стояли несколько бревенчатых изб, вросших в землю по самые окна. Здесь не было заборов, но воздух вокруг поселения дрожал, как над костром в безветренный день, — ковен защищали древние обережные чары.

Яра без сил опустилась на колени у входа в урочище. Ноги были стерты в кровь, подол сарафана превратился в лохмотья.

— Глядите-ка, Златин хвостик прибился, — раздался строгий, звенящий голос сверху.

На невысоком валуне стояла Малуша — старшая ведьма ковена. Её волосы, подернутые сединой, были убраны под темный повойник, а глаза, зеленые и острые, как молодая крапива, смотрели на Яру без капли жалости. Из-за её спины

неслышно показались еще три ведьмы.

— Златы больше нет, — с трудом разжимая сухие губы, выдохнула Яра. — Избу сожгли. Навь идет... Она велела принести это вам.

Яра протянула ларец. При виде кованого сундучка ведьмы притихли. Малуша медленно сошла с камня, её длинная юбка шуршала по траве. Она наклонилась, вглядываясь в серебряные обручи, но коснуться ларца не решилась.

— Значит, завет предков теперь у тебя, — тихо произнесла старшая ведьма. — Но ларец признает только чистую кровь. Чтобы остаться здесь и учиться, ты должна доказать, что Жива в тебе сильнее страха.

Малуша не успела договорить.

Обережный контур вокруг поселения вдруг тревожно зазвенел, будто по нему ударили железным мечом. Защитное марево пошло серыми волнами. Из чащи леса, прямо к границе ковена, не спеша вышел человек.

Яра мгновенно узнала его. Тот самый высокий силуэт с пожарища. Тот самый леденящий холод, от которого июльская трава у его сапог мгновенно подернулась хрупким сизым инеем.

— Дан... — испуганно прошептала одна из молодых ведьм за спиной Малуши, переходя на благоговейный шепот. — Санитар грани пришел. Зачем он здесь?

Чернокнижник остановился в трех шагах от защитного круга. Вблизи он казался еще бледнее, а его темные глаза

выглядели абсолютно черными, без белков — верный знак того, что он только что вернулся со дна Нави. На его пальцах тускло поблескивали тяжелые серебряные перстни-ограничители, сдерживающие мертвую силу.

Дан проигнорировал ведьм. Его тяжелый, вымораживающий взгляд остановился прямо на Яре и ларце в её руках. Серебряная нить, связывающая его запертую человеческую искру с этим сундучком, натянулась так сильно, что Яра физически почувствовала глухой удар в груди.

— Отдайте мне девку и ларец, Малуша, — тихо, но отчетливо произнес Дан. Его голос прозвучал как шорох сухих листьев на могильной плите. — Вы не удержите баланс. Всеслав уже знает, что ключ у неё. Если ларец останется в ковчеге, к утру от ваших изб останется только пепел.

Малуша сделала шаг вперед, закрывая собой Яру: — Навьему прислужнику нет хода в Пятимирье, Дан. Твоё место на погостах, среди теней. Проваливай обратно в Пекло.

Дан едва заметно усмехнулся, но в этой усмешке не было злобы — только усталость человека, который знает о надвигающемся конце света куда больше, чем все они. Он снова посмотрел на Яру, и девушке показалось, что в глубине его пугающих черных глаз на долю секунды промелькнула та самая замерзающая, отчаянно ищущая тепла искра, которую она почувствует позже.

— Навь не ждёт, травница, — обратился Дан напрямую к Яре. — Рано или поздно ты сама придешь ко мне. Потому

что твоя Жива бессильна против того, что идет из темноты.

Глава 4. Испытание стихиями

Дан растаял в лесных сумерках так же беззвучно, как и появился, но леденящий след его присутствия еще долго не сходил с пожухлой травы.

Малуша не дала Яре времени опомниться. Хранительницы ковена не держали у себя бесполезных ртов, особенно тех, за кем по пятам шла сама смерть.

— Нам нужно знать, кто ты, Яра, — строго произнесла старшая ведьма, когда луна поднялась над верхушками сосен. — Златин хвостик или настоящая ведовская кровь. Огонь тебя пощадил, но земля и вода могут забрать своё обратно.

Они вывели Яру на старое капище, скрытое глубоко в лесной чаще. В центре круга из покрытых мхом валунов чернело Каменное Око — бездонный лесной колодец, из которого, по слухам, пили духи самой Нави.

— Твое испытание простое, — Малуша протянула Яре глиняную пиалу, на дне которой лежала горсть сухой, безжизненной серой земли. — Вдохни в неё жизнь. Напой её. Если к рассвету земля в твоих руках не зацветет, ты уйдешь из Пятимирья. Ларец останется у нас.

Ведьмы ушли, оставив Яру одну в кольце мертвых камней. Ночь была глухой и пугающе тихой. Яра опустилась на холодный камень у края колодца, сжав пиалу ладонями. Она

пыталась звать Живу, как делала это в овраге. Она шептала заговоры, терла пальцами сухую глину, но магия внутри нее словно окаменела. После пожара и долгой дороги источник её силы иссяк. Кожа на запястьях, где проступили древесные узоры, ныла и горела. Она была совершенно пуста.

Прошел час, затем второй. Отчаяние тяжелым камнем легло на грудь.

— Одной только Живой заставить землю рожать нельзя, травница. Нужна тьма, в которой корень прячется от солнца.

Яра резко обернулась.

На одном из валунов капища, прямо на границе лунного света и тени, сидел Дан. Он сидел непринужденно, подтянув одно колено к груди. В темноте его силуэт казался частью самого камня.

— Ты... ты выслеживаешь меня? — Яра прижала пиалу к груди, испуганно глядя на некроманта.

— Мне некогда заниматься такой ерундой, — тихо отозвался Дан, и в его голосе проскользнула привычная холодная ирония. — Я охраняю эту глушь от того, с чем ты столкнулась в овраге. А ты здесь шумишь своими заговорами на весь лес.

Он легко спрыгнул с камня и сделал два шага к ней. Яра инстинктивно вжалась в валун. Снова пахло инеем и подвальной сыростью, но на этот раз холод не показался ей враждебным — он скорее отрезвлял, прояснял уставший разум.

Дан остановился, глядя на её дрожащие руки.

— Ты делаешь всё не так, — сказал он, опустив взгляд на серую землю в пиале. — Ты пытаешься приказать стихии, как эти глупые бабы из ковена. Думаешь, если ты светлая, то мир должен крутиться вокруг твоего тепла? Земля сейчас спит. Чтобы пробудить её, ей нужно дать покой. Зимний сон.

Дан протянул руку. Его длинные бледные пальцы без перстней зависли прямо над пиалой.

Яра затаила дыхание. Она увидела, как от его ладони вниз потянулись едва заметные, серые, как пепел, струйки навьей магии. Они мягко окутали сухую землю в пиале. Глина покрылась тончайшей, хрустальной паутинкой льда. Земля внутри чаши застыла, погрузившись в абсолютную, звенящую тишину.

— А теперь согрей её, — тихо приказал Дан, поднимая на Яру свои абсолютно черные глаза. — Дай ей весну после долгой зимы. В этом и есть баланс.

Их взгляды встретились. Серебряная нить, тянущаяся к ларцу в избушке, коротко и мощно завибрировала. Яра почувствовала, как внутри неё — там, где еще секунду назад была лишь выжженная пустыня — вдруг заворочался, просыпаясь, мощный горячий поток.

Она опустила пальцы прямо в скованную инеем землю. Лед под её ладонями мгновенно растаял, превращаясь в живую, чистую росу. Горячая сила Живы хлынула из её рук, смешиваясь с остатками навьего холода Дана.

Прямо на глазах из серой грязи проклюнулся бледный зеленый росток. Он стремительно потянулся вверх, развернул два сочных листа, и в центре Пятимирья, посреди глухой ночи, распустился белоснежный, пахнущий медом цветок дикой кувшинки — Одолень-травы.

Яра завороженно смотрела на чудо в своих руках, а когда подняла глаза, Дана уже не было. Лишь на краю валуна, где он только что сидел, медленно таяла серая горсть пепла.

Глава 5. Незванный гость

Яра проснулась от резкого, удушливого запаха сырого железа и горелой плоти. Магический колокольчик, повешенный у входа в её уединенную хижину на краю ковена, даже не звякнул. Но в темноте Яра услышала тяжелое, рваное дыхание.

Она мгновенно вскочила с лавки, на ходу высекая искру над плоской с маслом. Комнату залил слабый желтоватый свет.

У двери, прислонившись спиной к косяку, сидел Дан. Его черный кафтан был разорван на груди, а под ним зияла страшная, сочащаяся темной кровью рана — след от оскверненного клинка слуг Всеслава. Серебряные перстни-ограничители валялись на полу, отброшенные в сторон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.